
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ, НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА И ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ НА УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ

© 2016 г. Алексей Павлович Альбов¹,
Гульнара Флюровна Ручкина²

В статье обосновывается ведущая роль национального права и правовой системы в процессе развития государства; доказывается, что содержанием общества является сфера его экономического отношения, а формой выступает политическая организация государства и правовая система. Следовательно, теория экономического детерминизма представляет собой ложный императив, который продолжает оказывать деструктивное воздействие на экономику России, а значение права как универсального регулятора общественной жизни принижается. Делается вывод, что экономика как система хозяйственных отношений – вторична и зависит, с одной стороны, от права, а с другой – от субъективной воли.

This article explains the key role of national law and national legal systems in the process of development of the state; prove that the content of a society is its scope of economic relations, as a form of political organization in favor of the state and the legal system. Therefore the theory of economic determinism is false imperative that continues to have a destructive effect on the Russian economy and the value of the rights as a universal regulator of public life belittled. It concludes that the economy as a system of economic relations – is secondary and depends on hand on the right and on the other side of subjective will.

Ключевые слова: право и экономика, экономический детерминизм, позитивизм, национальное право, государственное регулирование, ценность права, Всемирный банк, цивилистические традиции, правовая семья.

Key words: law and economics, economic determinism, positivism, national law, government regulation, the value of the rights, the World Bank, the civil law tradition, the legal family.

*Не каждый, знающий цену всякой вещи,
имеет представление относительно её ценности.*

О. Уальд

Сегодня науки могут развиваться, опираясь лишь на предшествующий опыт, сконцентрированный в истории самой науки. Именно так возможно преодолеть позитивизм, догматизм и идеологическую демагогию в современных сочинениях, богатых на различные точки зрения и мнения в отношении классификации и типологии социальных систем, проблем соотношения права и экономики, права и государства.

Мы не будем заниматься анализом, классификацией и сравнением различных точек зрения и мнений; если проще – не будем заниматься библиографической работой.

Цель: теоретико-методологически обосновать ведущую роль национальной правовой культуры, национального права и правовой системы в процессе устойчивого развития государства; развенчать современные идеи, идущие от Всемирного банка, об определенной “генетической” неполноценности *civillaw* – правовых систем, основанных на цивилистических традициях, в противовес *commonlaw* – лучшему праву с точки зрения его эффективности.

Нельзя оставить без внимания “опасность, необдуманность и, следовательно, грубую, даже непростительную, как говорят юристы, ошибку, состоящую в передаче ключей от права науке, которая до настоящего времени показала себя более способной к объяснению событий прошлого, чем к прогнозированию будущего. У экономистов лучше получается объяснять (хотя и совершенно по-разному) кризисы, которые они не могли предвидеть и разрешить заранее. В этом смысле недалек от истины специальный материал на тему “Почему экономисты ошибаются (почти)”

¹ Заведующий кафедрой “Теория и история государства и права” Финансового университета при Правительстве РФ (Финуниверситет), доктор юридических наук, профессор (E-mail: aap62@yandex.ru).

² Декан юридического факультета, заведующая кафедрой “Предпринимательское и корпоративное право” того же университета, доктор юридических наук, профессор (E-mail: gumer@bk.ru).

всегда?», недавно опубликованный авторитетным экономическим еженедельником³.

Безусловно, было бы заблуждением со стороны политиков и законодателей опираться при разработке общественных норм на оторванные от жизни расчеты, абстрактные заключения или ожидания, смоделированные экономистами. В самом деле, сотворение правовых норм не может под угрозой неэффективности оставлять в стороне человеческую природу и социальное поведение, которым они, эти нормы, намерены управлять. Вот почему существуют “силы сопротивления” экономическому анализу права, “точкам зрения”, находящимся между экономическим и правовым анализом, в отношении которых следует задаться вопросом, являются ли они в конечном счете серьезно обоснованными.

“В обществе, основанном на ликвидации прав и свобод, подчинении индивида и его интересов государству, не могло не утвердиться негативное отношение к праву, отрицание его абсолютной ценности для человека и общества”⁴.

Исследования, определяющие влияние качества законов и регламентов, регулирующих хозяйственную жизнь, на экономический рост, исходя из наблюдения за многочисленными правовыми системами, стремятся доказать, что наиболее обременительная регламентация производит худшие результаты⁵.

Вопрос о соотношении права и экономики, права и государства фактически существовал всегда — с тех пор, как появились первые нормы, регулирующие отношения между людьми. В последнее время в каждой научной статье или диссертации можно прочесть: на пороге таких-то и таких-то годов наше общество находилось на этапе глубоких социальных, экономических преобразований (или перестройки экономики, или “турбулентности”, или переоценки системы ценностей) и т.п.; или сетования на самих себя, например: “до настоящего времени в отечественной науке и практике не выработан устойчивый понятийный аппарат”.

³ Les droits de tradition civiliste en question à propos des rapports doing business de la banque mondiale association henricapitantdesamis de la culture juridique française // Société de législation compare. Paris, 2006. Enjeux / Les echos, dossier spécial, janv. 2006, “pourquoi les économistes se trompent (presque) toujours”. P. 10.

⁴ Альбов А.П. Роль юридического образования в формировании правосознания и правовой культуры общества // Вопросы правоведения. 2010. № 3(7). С. 123.

⁵ См.: Цивилистические правовые традиции под вопросом. По поводу докладов Doing Business Всемирного банка. Т. 1 / Пер. с фр. М., 2007. С. 5.

В чем же причина такого положения дел в науке?

Ответ на первый взгляд очевиден: с начала прошлого века социально-гуманитарные науки находились под влиянием тоталитарной идеологии и занимались апологией текущей политики, экзегезой советских документов и выступлений партийных лидеров.

Сознание политиков определяло всё: и развитие права, и развитие экономики. Их сознание являлось “научной методологией” для развития экономического базиса и правовой системы, для обоснования того, что достигнутая определенность экономических отношений в обществе приобретает форму государства и определяет тем самым само право. “И не случайно знаменитое положение, что общественное бытие определяет общественное сознание, дальше тезиса и не пошло. В истории своей страны мы имеем обратное...”⁶.

Раскрывая сущность права и его влияние на иные социальные институты, автор коммуникативной концепции права проф. А.В. Поляков показал, что различия в образах права в значительной степени обуславливаются разными социокультурными условиями формирования и функционирования национальных правовых систем, которые проявляются в различных ее элементах: и на уровне правосознания, и в особенностях нормативной регуляции, и в специфике правоприменительной практики. Наиболее ярко они отражаются в правопонимании Востока и Запада.

Следует подчеркнуть, что только в западноевропейской цивилизации право является основной социальной ценностью. Это связано с тем, что политические, религиозные, философские и иные духовные условия формирования древнегреческого полиса способствовали зарождению античного “либерализма”. Человек при этом понимался как самостоятельный индивидум, наделенный разумом, свободой выбора и способностью определять свою судьбу. Поэтому он жил для самого себя, а не для того, чтобы служить какому-нибудь высокопоставленному человеческому существу или сверхъестественной силе. Это и означало появление индивидуализма. “Степенью греческого сознания является степень красоты... Единственное различие между африканскими и азиатскими

⁶ Альбов А.П. Проблема соотношения права и нравственности в немецкой классической философии и русской философии права (El Problema de la Correlacion Derecho y Moral en la Filosofia Clasica Alemana y en la Filosofia del Derecho Ruso). М., 2014. С. 21.

народами, с одной стороны, и греками, римлянами и современными народами – с другой, состоит именно в том, что последние знают, что они свободны и свободны для себя, первые суть лишь свободные, не зная, что они свободны, не существуя, следовательно, как свободные”⁷.

Последствием такого индивидуализма была независимость полисного сообщества, граждане которого в силу закона совместно обладали политическими и юридическими правами. Следовательно, право – его реализация, его соблюдение – стало центральным для данного типа социальной организации.

Экономической основой такого общества, формировавшегося в течение веков, является частная собственность, которая наиболее эффективно способна развиваться в условиях свободного рынка; политической основой – демократия, идеологической основой – духовный плюрализм. Именно потому право и является первоосновой индивидуалистического общества, что без него индивид не может отстоять, утвердить и преумножить свою собственность, как материальную, так и духовную. “Справедливость не глупость, и гражданин, нарушающий внутригосударственное право ради своей ближайшей выгоды, тем самым подрывает основу собственного своего благополучия и благополучия своего потомства; так точно и народ, нарушающий право естественное и право народов, навсегда подрывает основу своего собственного спокойствия в будущем. Право заслуживает того, чтобы из-за благоговения перед ним гражданин или целый народ поступились некоторыми своими преимуществами”⁸. Право при этом понимается не только как закон, а гораздо шире – как естественные права и свободы человека, распространяющиеся на сферу как частной, так и публичной жизни.

Иным путем развивались цивилизации на востоке и в Советском государстве.

“Тотальный контроль над экономикой, где государство выступало и собственником, и работодателем, и распределителем продуктов производства, означал сужение сфер личных прав и свобод граждан и в конечном счете их фактическое игнорирование. Перед государством не стояла задача обеспечения этих прав”⁹.

В этих обществах индивидуализм не имел ни духовной, ни экономической, ни политической почвы для своего развития и практически отсутствовал. Каждый член общества воспринимал себя не как хозяина жизни, обладающего в этой связи неотъемлемыми правами, а скорее работником, призванным исполнить обязанность.

Такие общества, которые в науке часто именуют коллективистскими и традиционными, связаны общей религиозной идеологией, обычаями и традициями, исходя из которых формируются и решаются стоящие перед обществом задачи.

Право (закон государства) здесь получает значение не основного, а вспомогательного инструмента; на первое место выдвигаются религиозная мораль, связывающая человека обязанностями, а также традиции, обычаи, ритуалы. Образ права в традиционных обществах получает значение, кардинально отличное от его значения на Западе. Право понимается больше как средство на случай крайней необходимости, чем основание нормальной повседневной жизни. Право, таким образом, формируется как специфический социальный язык и как универсальная форма социального взаимодействия¹⁰.

При взаимодействии в различных регионах использовались и различные средства. В Европе “большую роль в развитии товарного оборота сыграло использование готовых юридических формул римского права. Их рецепция в Средние века была обусловлена не только отточенностью римской юридической техники, но в первую очередь необходимостью утверждения базовых начал гражданского экономического оборота – равенство сторон, свобода договора, автономия, индивидуализация имущественной ответственности, неприкосновенность частной собственности. Распространение этих рыночных принципов на каждого индивидуума независимо от социального происхождения и благосостояния было подготовлено возрождением идей естественно-правовой доктрины и их закреплении в документах периода буржуазных революций, наиболее ярким среди которых стала французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г.

...Предназначение права заключается в том, чтобы обеспечить эквивалентность рыночного обмена, а с помощью института права собственности – защиту принадлежности продуктов экономической деятельности их производителям”¹¹.

⁷ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб., 1993. С. 37.

⁸ Буткевич В.Г. Политико-правовые взгляды Г. Гроция // Сов. гос. и право. 1984. № 9. С. 80–87.

⁹ Луковская Д.И. Введение в теорию права. СПб., 2004. С. 38.

¹⁰ См.: Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб., 2001.

¹¹ Алтатов А.А. Право и экономика: вопросы соотношения. С. 5 // <http://ecsocman.hse.ru/hsedata/2012/06/25/1256189920/4-2010-3.pdf>

Таким образом, содержанием общества является сфера его экономического отношения, а формой выступают политическая организация государства и правовая система. В связи с этим возникает вопрос по существу: правомерно ли утверждение, что общественное бытие определяет общественное сознание, а экономика определяет государство и право?

На самом деле нет ни одной работы, которая показала хотя бы на одном-единственном примере, как конкретное общественное бытие (материальное производство, например) перевело себя в определённую форму общественного сознания.

Конечное не может переводить себя в другое конечное как в свою собственную противоположность. Это знал уже Аристотель. Ведь у Аристотеля-то дерево не превращает само себя в тумбочку – здесь еще, оказывается, нужен мастер, который сделал бы это. Чтобы одно конечное перешло в другое конечное, нужно третье конечное, которое будет это делать.

Никто не будет отрицать, что право – современник общества, основанного на производстве и обмене. Способ производства накладывает определенный отпечаток на право, но экономический фактор (базис) не является конечным и решающим. Справедливости ради надо отметить, что и сам К. Маркс ничего подобного не утверждал. Это делали только марксисты, да и то в основном в России в экономических вузах. Сам же основоположник учения подчеркивал, что “нет ничего более неправильного, чем тот способ, которым пользуются..., когда рассматривают общество под углом зрения его экономических условий”¹².

«Вся мировая история показывает нам определяющее влияние религии и этики на всю сферу производства: вся мощная техника античного и средневекового строительства подчинена религии (храмы, гробницы, пирамиды), она совсем не “экономична” и не экономна, но аскетична, духовна и полна жертвенности. Тысячелетний уровень техники и хозяйства в древних цивилизациях Китая и Индии можно понять только из религиозно-этической установки этих культур. Когда радикальный буддизм распространился в Индии, в некоторых местностях совершенно прекратилось земледелие. Достаточно взглянуть на Средневековье, чтобы тотчас признать, что религия здесь вовсе не была “надстройкой”, но,

напротив, сама строила все и была архитектурой всего здания»¹³.

Вот почему полагать экономику определяющей, а все социальные институты производными – абсолютное заблуждение. Источник права – процесс эволюции культуры, объединяющий и фиксирующий в своих нормах поведения социальный опыт человечества (или опыт того общества, в котором они действуют). Если нормы культуры обеспечивают существование социального целого, то они объективно становятся общеобязательными, т.е. правом¹⁴.

Роль государства в этом процессе ограничивается тем, что оно, выполняя свои функции, обеспечивает соблюдение общеобязательных правил поведения принудительной силой. По-нашему, государство участвует в правореализации и правотворчестве.

Многие нормы, закрепленные в федеральных законах, не работают в силу того, что для их реализации требуются ряд подзаконных актов и реальная бюджетная поддержка, т.е. для эффективного правового регулирования необходимы полнота и согласованность всех уровней законодательства, регулирующего ту или иную сферу. Вот с этим в России не все благополучно, так как федеральный законодатель не всегда учитывает пожелания федерального и региональных правительств, а также возможности бюджетов различных уровней (показательными в этой связи являются сложности реализации ряда положений Федерального закона “О развитии сельского хозяйства” от 29 декабря 2006 г.¹⁵ и Федерального закона “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” от 24 июля 2007 г.¹⁶).

Данные законы содержат статьи-декларации. Законодатель не озадачивается дилеммой: сможет ли норма регулировать проблемные отношения. Соответственно, если этого не происходит, норма и не работает.

Говоря о законодательной технике, следует отметить, что законодатели нередко путают саму “правовую материю”, из которой должен состоять закон, и образовательный “учебный материал”, который необходим для пояснительных записок к проекту закона для уяснения предмета и задач

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Глава о капитале. Соч. Ч. 1. Т. 46. Изд. 2-е. С. 134.

¹³ Вышеславцев Б.П. Философская нищета марксизма. Соч. М., 1995. С. 112.

¹⁴ См.: Ручкина Г.Ф. От предпринимательского права – к экономическому праву // Гос. и право. 2012. № 2. С. 118–122.

¹⁵ См.: Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (Ч. 1). Ст. 27.

¹⁶ См.: Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.

регулирования, которые ставят перед собой правотворцы¹⁷.

Продолжая разговор о законодательной технике, необходимо обратить внимание на “засоренность” законов, особенно региональных, инородным материалом, когда вместо прописанных прав и обязанностей субъектов отношений, процедуры их реализации тело закона заполнено декларациями и теоретическими изысками. Такой нормативный акт либо не работает вовсе, либо неэффективен на практике¹⁸.

Нередки случаи, когда закон едва принят, а законодатель уже принимается его исправлять, вместо того, чтобы подойти к проблеме комплексно, возможно, предложить новую концепцию. Так, например, было с Федеральным законом “Об обращении лекарственных средств” от 12 апреля 2010 г.¹⁹, когда сразу после его принятия правоприменители осознали, что Закон неудовлетворителен, и пришлось вносить многочисленные поправки, что говорит об объективном показателе допущенных при написании Закона ошибок, а в итоге – дискредитации законодательной власти.

Особо следует указать на ненадлежащее качество принимаемых Государственной Думой Федерального Собрания РФ законов о налогах и сборах, когда федеральный законодатель начинает изменять и дополнять их сразу после официального опубликования и еще до того, как они вступят в силу (для справки: в 2013 г. было принято 42 федеральных закона с поправками и изменениями к Налоговому кодексу РФ).

О том, что гражданское законодательство содержит много ненужных законов, существование которых не вызвано никакой насущной потребностью, говорят ученые. Вместо увеличения объема законодательной массы за счет неработающих специальных законов федеральному законодателю следовало бы часть полезных норм инкорпорировать в общие федеральные законы, регулирующие все сферы большой группы отношений. Об этом, например, говорил проф. Е.А. Суханов, комментируя наличие множественности законов, регулирующих статус кооперативов²⁰.

На примере экологического законодательства можно увидеть, как неработающие нормативные

правовые акты способствуют выхолащиванию конституционной нормы, которая теряет всякий смысл на фоне принятого во исполнение данной нормы закона. Отсутствие специальных механизмов возмещения ущерба, причиненного здоровью или имуществу гражданина экологическим правонарушением, привело к тому, что гражданско-правовые нормы, к которым отсылает Федеральный закон “Об охране окружающей среды” от 10 января 2002 г.²¹, на практике не работают в силу множественных особенностей экогенного вреда, его причинения и проявления²².

Любые нарушения в регулируемых сферах говорят о том, что законы там не работают, их регулятивная сила слаба и недостаточна. При этом законодатель не в состоянии учесть все взаимосвязи реального мира. Зачастую неоправданно гуманный подход к регулированию деяний, причиняющих значительный вред общественным отношениям, приводит к искажению сути правосудия. На это указывает Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, говоря о смягчении санкций за преступления в сфере экономики и взяточничества. По мнению В.Д. Зорькина, такая гуманизация привела к тому, что уголовный закон в этой сфере не работает и, значит, провоцирует рост коррупции и экономической преступности²³.

Достаточно большой угрозой для государства и общества является не только сам факт того, что законы не работают. Здесь следует согласиться с В.В. Осиным, утверждающим, что “деятельность законодательной власти парализуется, если создаваемые ею законы не работают”²⁴.

В экономике фундаментальная роль принадлежит объективным законам, в праве – общей воле граждан в лице государства. Лучшее всего характер взаимодействия может быть представлен через иерархию сущностей. **Экономика есть сущность права, а сущность экономики – это равновесие либо (что то же самое) справедливость**²⁵.

Существует неразрывная связь между правом, проводимой политикой и экономикой. Вместе с тем следует помнить о “примате политики над

²¹ См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

²² См.: Васильева М.И. Правовое обеспечение экологической политики. Приоритетные направления. М., 2011. С. 25.

²³ См.: Зорькин В.Д. Проблемы конституционно-правового развития России (К 20-летию Конституции Российской Федерации) // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2.

²⁴ Осин В.В. В ближайшие восемь лет в России не будет даже попыток установить правосудие // Адвокат. 2012. № 11.

²⁵ См.: Алпатов А.А. Право и экономика: вопросы соотношения // Право. 2010. № 4. С. 21.

¹⁷ См.: Шейнин Л. Недостатки законодательной техники Российской Федерации // Юрид. мир. 2005. № 12.

¹⁸ См.: Латина И.А. Дефекты законодательных актов субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 21.

¹⁹ См.: Собрание законодательства РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.

²⁰ См.: Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014.

экономикой”, поскольку именно от политической власти (государства) и от нормативной правовой основы зависит, в каком направлении следует развивать экономику, чтобы обеспечить интересы или всего общества, или отдельных групп олигархов, или способствовать росту рождаемости, или остановить смертность нации, вызванную некачественными продуктами питания²⁶.

Тем не менее развитие экономики неразрывно связано с политической деятельностью государства и правом. Спорность постулата о том, что право следует рассматривать как надстройку, где базисом является экономика, не отменяет признания экономики одним из ключевых факторов правообразования²⁷.

Федеральный закон “О специальных экономических мерах” от 30 декабря 2006 г.²⁸ отчетливо показывает взаимосвязь права, политики и экономики. Посредством правового акта на национальном уровне созданы основы применения мер экономического характера, способные защитить суверенитет России, ее безопасность, а также права и свободы ее граждан, в случае если они будут подвергнуты угрозе или нарушены в результате международно-противоправных деяний либо недружественных действий со стороны иностранных государств.

В настоящее время вследствие недружественных действий со стороны ряда иностранных государств по отношению к России и введения против нее экономических санкций российская модель экономики преобразуется, переходя на импортозамещение во многих отраслях промышленности и сельского хозяйства²⁹. Государство посредством

правового регулирования и финансовой поддержки хозяйствующих субъектов обеспечивает реализацию запланированного. Для этих целей меняются также бюджетные правила.

Здесь четко прослеживается взаимосвязь верховенства права, экономической целесообразности и политической воли государства. Поэтому, бесспорно признавая влияние экономических, социальных, политических и других факторов на развитие права, и *нельзя говорить о праве только как об обслуживающем институте*, определенной форме, не имеющей своей фундаментальной сущности.

Гражданский кодекс является для французского юриста “инструментом, лежащим в основе общественного выбора, который не может быть продиктован единственно экономическими императивами”³⁰.

«Без сомнения, подъему экономики способствует эффективная правовая система, позволяющая инвесторам оправдывать их ожидания: отсюда забота значительного числа развивающихся стран установить у себя правовое государство. Так, между утверждением о том, что право влияет на экономическое развитие, и утверждением о том, что реформирование национального права является необходимым предварительным условием для экономического развития, имеется существенное различие, которое сложно преодолеть. Не впадая полностью в марксистское видение проблемы, зададимся вопросом в духе гегелевской диалектики: не провоцирует ли само экономическое развитие правовые реформы? Например, можно ли говорить о том, что отмена в соответствии с законом от 24 июля 1867 г. разрешения на учреждение акционерного общества стала причиной развития французской промышленности? Может быть, законодателя той эпохи к либерализации процесса учреждения акционерного общества подтолкнула необходимость объединения все большего объема накопленных капиталов? Явилось ли создание в 1934 г. Securities and Exchanges commission (SEC) причиной выдающегося развития американского фондового рынка или же злоупотребления на уже существующем фондовом рынке вызвали необходимость создания такого органа по контролю за рынками?»

Кроме того, постулат группы LLSV стремится сосредоточить внимание на единственном параметре экономического развития, уклоняясь от

²⁶ С такой позицией соглашался и В.И. Ленин, подчёркивая, что “люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов” (см.: Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23).

²⁷ См.: *Вопленко Н.Н.* Сущность, принципы и функции права. Волгоград, 1998. С. 23.

²⁸ См.: Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (Ч. 1). Ст. 44.

²⁹ См., например: постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий федеральному государственному автономному учреждению “Российский фонд технологического развития” в целях внедрения наилучших доступных технологий и импортозамещения в рамках подпрограммы “Обеспечение реализации Государственной программы Российской Федерации “Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности”» от 17 декабря 2014 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 51. Ст. 7467.

³⁰ Цивилистические правовые традиции под вопросом. По поводу докладов Doing Business Всемирного банка. Т. 1 / Пер. с фр. С. 92.

дискуссии об относительном значении этого фактора по отношению к другим факторам. Конечно, если априорно можно довольно легко защитить утверждение о том, что право воздействует на экономическое развитие, то гораздо более спорным представляется постулат о том, что право образует наиболее важный фактор этого развития. Раз выдвинув постулат, согласно которому право предопределяет экономическое развитие, группа LLSV и авторы докладов *Doing Business* направляют в дальнейшем все свои усилия на определение характеристик “идеального законодательства” – законодательства, которое позволило бы осуществить мечту многих правительств об экономическом взлете»³¹.

Истина заключается в том, что не существует никакого фундамента и никакой надстройки.

Очевидно, что если бы правовая система и правовые нормы были отражением материальной жизни общества, то не происходило бы развития, так как именно идеи, и в первую очередь правовые, отрицают и преобразуют существующее материальное производство. Ведь именно орудия производства и материальные блага являются первым продуктом и первым проявлением духа изобретающего человека, который впоследствии сохранял, укреплял и присваивал (заслуженно или нет) с помощью норм полученные результаты.

Можно ли утверждать, что экономический процесс есть основа, определяющая историческую судьбу общества? Очевидно, что нет, так как земледелие и скотоводство с участием рабского труда, с использованием тех же орудий труда существовали в Греции, Риме, Египте, Иудее, но из соотношения производства и потребления нельзя вывести и понять многообразие древних культур с их формой государства, правовой системой, религиозными нормами и учреждениями.

Если бы экономика определяла правовую культуру и форму государства, то всю историю достаточно было бы свести к истории производства и орудиям производства. Оставалось бы лишь описывать орудия производства, определяющие их жизнь: сначала они пахали сохой и плугом, а потом – трактором, сначала они были рабами, потом – крепостными, потом – ремесленниками, потом – пролетариатом...

Сказать, что фараоны и жрецы существовали рабским трудом, что их храмы и пирамиды обусловлены “орудиями производства”, – значит ска-

зать нечто верное, но лишенное всякого смысла и не отвечающее на вопрос. Соответственно, и право, и государство каждого народа вырастают не из кирки или лопаты, трактора или комбайна, а из его религии, его психологии, понимания красоты, его нравов и обычаев и т.п. Только все эти и другие элементы составляют единое целое нации.

Удивительно, что до сих пор идут дискуссии на эту тему и обсуждается вполне очевидное: “на самом же деле истина состоит в том, что не существует никакого фундамента и никакой надстройки, а существуют взаимодействие и взаимозависимость различных функций труда и творчества, интегрально входящих в единую всеобъемлющую систему культуры. Одинаково верно сказать, что наука, политика и духовная жизнь обусловлены уровнем техники и организации хозяйства, и обратно: техника и организация хозяйства обусловлены уровнем науки, действующим правом, направлением политики”³².

На рубеже 80–90-х годов XIX в. Р. Штаммлер не воспринимая “материалистическую нищету марксизма”, подверг резкой критике методологию правопонимания исторической школы права, доказывая необходимость возвращения юристов к классическим традициям объяснения сущности права. Особенно это касалось сферы взаимовлияния экономики и права. Право, по его мнению, не только независимо от материального производства. Как раз наоборот – оно является определяющим для экономики, поскольку именно право есть “форма социальной жизни” и квинтэссенция исторически сложившихся правил и норм общения в конкретном обществе, а экономика производна. Это – лишь “его материя”.

Исключение взаимозависимости таких трех институтов, как политическая воля государства, право и экономика, может завести экономику в тупик, право не сможет обслуживать реально существующие экономические отношения, а государство с развалившейся экономикой столкнется с проблемой защиты своего суверенитета.

Экономический детерминизм представляет собой ложный императив.

Нет ни одного экономического понятия, которое не содержало бы в себе юридической категории. Так, например, “капитал” предполагает право собственности, “товар” – куплю-продажу, “зарплата” – рабочий договор, “прибавочная ценность” – договор и собственность, наконец, вся структура правовых и хозяйственных отношений

³¹ Там же. С. 10.

³² См.: Вышеславцев Б.П. Указ. соч. С. 109.

предполагает право властвования и обязанность подчинения. Таким образом, можно сказать, что право проникает, формирует и обосновывает всю экономическую жизнь³³.

Сегодня *экономический детерминизм продолжает оказывать деструктивное воздействие на экономику России*. Право как универсальный регулятор общественной жизни попирается и принижается. Небывалый рост правового нигилизма³⁴, экономической преступности, коррупции лишний раз доказывает, что необходимых изменений государственного строя можно достичь не революциями, не регулярными перестройками, не “новыми курсами”, не “перезагрузками”, но с помощью адекватного правового регулирования. Это регулирование должно быть направлено не на отдельные интересы кланов и олигархов, а на интересы всего народа.

Приведем лишь два примера, которые доказывают нам несостоятельность экономического детерминизма.

С осени 1914 г. В.И. Ленин утверждал, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс меньшим злом было бы поражение царской монархии. Война должна быть превращена в гражданскую войну пролетариата против собственного правительства, и если победит пролетариат, то их обязанностью будет вести революционную войну за освобождение масс по всей Европе. Эти идеи опирались не на объективную реальность, не на экономический, а как раз на идеологический фундамент, заложенный радикалами, теоретиками марксизма и профессиональными революционерами, которые нисколько не считались с законами экономического развития³⁵. (Для сравнения: государственный переворот на Украине осуществлен все за те же доллары³⁶.) Не идеи подчинялись эко-

номической действительности и отражали ее, но, напротив, экономика была полностью перестроена под коммунистическую доктрину. Одной из сторон социального эксперимента стала фантастическая гиперинфляция: к 1923 г. рубль обесценился по сравнению с 1914 г. в сотни миллионов раз. Новая власть не только никак не боролась с раздутой денежной эмиссией и гиперинфляцией, но даже считала гиперинфляцию позитивным явлением.

Хотя золотой запас страны накануне октябрьских событий, по оценкам, был самым крупным в Европе – 1337 т, уже к 1922 г. золотохранилища страны практически опустели.

Профессор Сироткин, эксперт Государственной Думы Федерального Собрания РФ, председатель экспертного совета по материальным и культурным ценностям “Эрмитаж”, на основании целого ряда документов утверждает, что за границу “уплыли” ценности на сумму более 300 млрд долл. (по нынешнему курсу). Российское золото “расползлось” по всему миру – ценности через Норвегию, Швецию, Финляндию и Прибалтику переправлялись в Голландию и Германию, откуда вывозились в банки США³⁷.

Спустя десятилетия – новая “перестройка”: и опять иностранные консультанты явились идеологами ускоренной приватизации: продать как можно быстрее и больше государственной собственности, и продавать в первую очередь лучшие предприятия. В рамках приватизации частным структурам была продана государственная собственность, её стоимость в сотни раз была искусственно занижена.

Над гражданами России в 90-е годы осуществляли очередной социальный эксперимент, навязывая им идею приватизации, ваучеризации, акционирования, затрачивая при этом на телевизионную рекламу десятки миллионов долларов³⁸.

Впоследствии такая форма государственного управления экономикой, как приватизация государственного и муниципального имущества того времени, была признана неудачной. Известный ученый-правовед С.С. Алексеев говорит о данном эксперименте следующее: “Решающими в этом деле оказались политические мотивы, в ряде случаев механическое заимствование зарубежного опыта (далеко не всегда лучшего, оправданного), стремление в обстановке жесткой борьбы за власть достигнуть скорого успеха – в кратчайшие сроки,

³³ См.: там же. С. 110.

³⁴ Путин: Российское общество не преодолело правовой нигилизм // <http://www.rg.ru/2013/12/13/nigilizm-anons.html> (Дата обращения: 12 июня 2015 г.).

³⁵ Одно из самых известных высказываний Нового Завета “Кесарю кесарево” не говорит о том, что нужно выступать против Рима и не платить ему налогов, но то, что эти налоги не представляют “цели в жизни”. Такая постановка задачи не приводит к созданию революционных партий для свержения власти Рима, но рубит самую главную идею Рима, которая лежит в истоках его могущества. После принятия Римом христианства его гибель становится неизбежной. Следовательно, не могущественная римская экономика была основой христианства, а новая идеология оказалась смертельным оружием для Римской империи.

³⁶ США стали организаторами госпереворота на Украине, затратив на это 5 млрд долл., заявил секретарь Совета безопасности России Николай Патрушев газете “Коммерсантъ”.

³⁷ См.: Сироткин В.Г. Кто обворовал Россию? М., 2003.

³⁸ См.: Андрианов В., Черняк А. Одиноким царю играет президента. М., 2000.

прямо-таки по-большевистски добиться всеобщей приватизации и перехода общества в состояние процветающей социальной системы”³⁹.

Как отмечают некоторые авторы, “глобальный процесс приватизации девяностых соизмерим только с послереволюционной национализацией двадцатых годов прошлого века. Соответственно, и последствия для страны примерно аналогичные – развал экономики одного из сильнейших государств в мире”⁴⁰.

Наоборот, основатели США разворачивали политический проект идей эпохи Просвещения по созданию нового миропорядка. Политическая, социальная и культурная новизна американской “неформальной империи” стала фактором, определившим ее претензии и амбиции на исключительное положение среди других политико-территориальных сообществ⁴¹.

Развитие экономики было прямо противоположным: отсутствие революционных партий в стране концентрированного капитализма с многочисленным рабочим классом. Каждый американец больше интересовался тем, как бы ему самому стать крупным собственником, нежели как свергнуть капитализм.

Имперские амбиции США находили выражение в официальных заявлениях: “доктрине Монро”⁴², “длинной телеграмме” Дж. Кеннана⁴³, исторических исследованиях Мэхена.

Экономическая политика, осуществляемая под влиянием идей, содержащихся в этих сочинениях, последовательно привела к обретению США господства сначала на американском континенте, а сегодня и в Западной Европе, и в Латинской Америке.

На основе этих документов политическим руководством США формировались доктринальные основы политики, известные как “доктрина Трумэна”, “доктрина Эйзенхауэра”, “доктрина Кенне-

ди” и т.д. до современности. Положения доктрин, адаптируя политический курс в соответствии с актуальными задачами, оставались неизменными в следовании рассмотренным принципиальным идеям. Основное их содержание было направлено на необходимость сохранения лидерства США, курса на достижение мировой гегемонии, укрепления национальной валюты, подчинения мира своей воле, т.е. *сохранение американского имперского превосходства*.

Национальная культура (матрица), которая определяет статус государства и общества, позволяет воспроизводить его основные параметры в случае крушения государственности, развала экономики или социальных проблем. Человечество смогло обрести пока только два вида такой матрицы – религию и идеологию.

Так, конфуцианство позволило Китаю динамично развиваться и с уверенностью смотреть в будущее. Более того – конфуцианская империя просуществовала более двух тысячелетий, что является уникальным случаем в истории, когда мощная цивилизация, существуя в рамках традиционного общества, имела в качестве идейного стержня не религию, а идеологию и национальную правовую систему.

История убедительно доказывает, что различные идеи: имперские, коммунистические, фашистские, национал-социалистические, – изменяют структуру общества и, следовательно, структуру хозяйства.

Настоящая техническая революция произошла в истории несколько раз, и это связано с изобретением паровой машины в XVIII в., научно-технологическими достижениями в области электричества и химии в XIX в., созданием компьютеров и средств мобильной связи в XX в. И опять становится очевидно, что ни техника сама по себе, ни промышленное производство не могут определять право, религию, культуру нации.

Материальное производство, экономика – совокупность средств, а не система целей, так как один и тот же способ производства в различных государствах может служить прямо противоположным целям и задачам по преобразованию той же экономической составляющей.

Существует индустрия комфорта и улучшения жизни, но существует также военная индустрия, опирающаяся на ту же самую технологию. Можно утверждать, что *экономический детерминизм и марксистский техницизм представляют собой демагогию о ценностях, ложный императив, навязываемый отдельным нациям и народам*.

³⁹ Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории. Изд. 3-е, доп. М., 2008. С. 158.

⁴⁰ Ручкина Г.Ф., Ручкин О.Ю., Глинка В.И. Государственное воздействие на предпринимательскую деятельность: Современные проблемы правового регулирования. М., 2012. С. 119.

⁴¹ См.: Шишков В.В. Становление и развитие гегемонии США: имперское доминирование и глобализация в XX в. // Век глобализации. 2014. № 1. С. 1.

⁴² В результате в 1840-е годы под прикрытием континентальной солидарности США присоединили к себе более половины тогдашней территории Мексики (нынешние штаты Техас, Калифорния, Аризона, Невада и др.).

⁴³ Идеи Кеннана стали определяющим фактором развязывания “холодной войны”.

Экономисты, как и экономическая наука, возвращаются в нелинейных фрактальных событиях.

Современная идеология поддерживает и пропагандирует экономику *laissez-faire*, культивируя в нации ничем не обоснованную веру, что политические свободы, социальная справедливость, нравственность неотделимы от экономической свободы.

По факту происходит следующее: распоряжаться и управлять производством и природными благами будет не общество через национально-правовую систему государства, а небольшая группа олигархов, обладающая гораздо большей властью и гораздо меньше считающаяся с обществом и его мнением. Чрезмерная централизация управления экономикой и сосредоточение в руках государственного аппарата огромной власти делают чиновников фактическими собственниками всех средств и ресурсов производства. В этом случае государственный аппарат подчиняется императиву максимальной выгоды для корпорации, правовая система перестает быть национальной ценностью и становится подчиненной Международному валютному фонду; начинается процесс компрометации всех духовных ценностей, обычаев и традиций народа, отрицания национальной этики и морали.

Отдельно следует сказать о существующей зависимости Банка России от Международного валютного фонда. Данное положение является вынужденным отступлением от финансового суверенитета, вызванным процессом встраивания национальной экономики в глобальную. Пункт 18.2 ст. 4 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 г.⁴⁴, введенный Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 3 ноября 2010 г.⁴⁵, обязывает Центральный банк РФ выполнять функции депозитария средств Международного валютного фонда в валюте Российской Федерации, осуществлять операции и сделки, предусмотренные статьями соглашения⁴⁶ Между-

народного валютного фонда и договорами с Международным валютным фондом.

Это означает, что, будучи независимым органом, причем независимым даже от своего государства, осуществлять эмиссию рубля Банк России может только в режиме “currency board”. Продиктовано это тем, что Россия как любой член Международного валютного фонда должна обеспечить одномоментный обмен всего объема собственной национальной валюты на доллары и фунты из собственных золотовалютных резервов. Соответственно, Центральный банк РФ может выдать национальной экономике рублей не сколько ей (экономике) необходимо для нормального развития, но лишь столько, сколько у него в наличии долларов.

Учитывая структуру российского экспорта, которая в краткосрочной перспективе не претерпит существенных изменений, экономика России сознательно поставлена в прямую зависимость от экспорта углеводородов⁴⁷.

В настоящее время депутатом Е. Федоровым подготовлены поправки в Федеральный закон “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)”, которые направлены на снятие международной зависимости и обязательств Центрального банка РФ от международных финансовых организаций (в первую очередь от Международного валютного фонда), однако надеяться на быстрое обретение государством финансовой независимости не стоит.

Экспортируя свои ценности и правовые нормы, американский экспансионизм нередко вменял своим колониям такое институциональное устройство, которое не имело никакого отношения к реальным условиям, в каких проживали подчиненные народы. Как результат такой правовой экспансии подчиненные народы унаследовали неприспособленные правовые системы, мешающие их экономическому развитию после обретения независимости в результате деколонизации⁴⁸.

В этом случае правильным будет осуществлять оценку связей права и экономики с учетом необходимости правового регулирования экономических процессов, соблюдения прав и свобод, сохранения национальной матрицы.

Экономическую и личную свободу индивидуума считали главным А. Смит, Дж. Стюарт Милль,

⁴⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

⁴⁵ См.: Собрание законодательства РФ. 2010. № 45. Ст. 5756.

⁴⁶ См.: постановление Верховного Совета РФ “О вступлении Российской Федерации в Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития и Международную ассоциацию развития” от 22 мая 1992 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 22. Ст. 1180.

⁴⁷ См.: Стариков Н. Национализация рубля. Путь к свободе России // <http://nstarikov.ru/biog/7199>

⁴⁸ Цивилистические правовые традиции под вопросом. По поводу докладов Doing Business Всемирного банка. Т. 1 / Пер. с фр. С. 17.

Б. Констан, Дж. Локк, хотя и понимали, что она в конечном счете порождает неравенство. Вместе с тем и они понимали, что государство не должно бездействовать: власть должна создавать условия для инициативной деятельности граждан и развития их индивидуальных способностей. Государство при этом рассматривается не в качестве хозяйствующего субъекта, но как сила, призванная охранять существующее право собственности.

Поэтому право собственности стало детерминантой нового направления — так называемого “экономического анализа права”, которое доказывает, что основная модель экономической науки — теория выбора. Используя методологию подобного подхода, личность, класс стремятся из всего получить максимальную выгоду в свою пользу, удовлетворить собственные природные потребности, а если кто встает на его пути, действует принцип, рассмотренный Т. Гоббсом: *homo homini lupus est*. Вроде бы ясно, что хотят сказать классики марксизма, но также нельзя освободиться от ощущения, что идет некая подмена понятий, и все многообразие жизни общества, личности перевернуто с ног на голову.

Это лукавство и попытки дальше протаскивать экономический детерминизм продолжают и по сей день. Так, вопреки принципу независимости экономических законов как объективных по своему характеру от воли людей отправным пунктом объяснения экономических явлений социалистического общества становились волевые отношения, сознательная, целенаправленная деятельность единого экономического центра по организации всего общественного производства в форме плана, распространяющегося на основные процессы развития народного хозяйства⁴⁹.

Практика строительства социализма, коммунизма, последующие застой, перестройка, “переломка” и все дальнейшее развитие страны в условиях непрекращающейся “турбулентности” показала, что *экономисты, как и экономическая наука, вращаются в нелинейных фрактальных событиях* без наличия внешних, случайных, возмущающих среду сил. Для расчёта подобных течений были созданы различные экономические теории, а фактически речь шла об элементарном волюнтаризме.

Негативную роль в юридической мысли сыграло определение права в “Манифесте Коммунистической партии”: “Право есть лишь возведенная

в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса”⁵⁰.

В другой работе читаем: “Юридическое отношение, формой которого является договор — все равно, закреплен ли он законом или нет, — есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением”⁵¹. Итак, несомненно, что по крайней мере в новейшей истории государство, политический строй являются подчиненными, а гражданское общество, царство экономических отношений — решающим элементом⁵². В данных фрагментах просматриваются фатальная зависимость права от экономики, сведение права к производству.

В отличие от юриспруденции, у политэкономии более тесные связи с естествознанием, биологией, зоологией, с методологическим принципом редукционизма, где духовное истолковывается как особая разновидность экономического, материального. Редукционизм в экономике порождён эгоцентризмом научной специализации, когда считается, что именно экономические дисциплины и экономические толкования являются краеугольным камнем всего научного знания, неким гносеологическим фундаментом социально-гуманитарных наук, объяснения всего многообразия социальной жизни.

Напротив, “право есть низший предел или определенный минимум нравственности” (Вл. Соловьев)⁵³. При этом подчеркивается, что между нравственным и юридическим законом нет противоречия: второй предполагается первым. Хотя юридический закон и не требует высшего нравственного совершенства, но он и не отрицает его. Следовательно, право есть сами общественные отношения, образующие живую ткань социального организма.

К сожалению, во многих современных исследованиях марксистские подходы прямо не отстаиваются, но и взамен ничего нового не предлагается или предлагаются теории, разработанные американскими специалистами по “оранжевым революциям”. Поэтому и сегодня сама проблема

⁴⁹ См.: Шкредов В.П. Экономика и право. Опыт экономико-юридического исследования общественного производства. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1990.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 1970. С. 122.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. Изд. 2-е. С. 310.

⁵² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Капитал // Там же. Т. 23. С. 94.

⁵³ Соловьев В. С. Оправдание добра: нравственная философия. М., 1996. С. 328.

соотношения “права – экономика” (если она вообще выделяется) предстает в весьма аморфном виде.

Можно утверждать, что сегодня материальные потребности постепенно отходят на второй план, приобретают роль некой уже в принципе решенной для духа задачи. Это не означает, что экономика и ее развитие вообще перестают быть значимыми для человечества или что для каждого конкретного народа экономические проблемы полностью решены. Но экономика никогда, по сути, не была первичной, определяющей по отношению ко всем остальным сферам общественной жизни, и право не может рассматриваться как явление, даже в итоге определяемое экономикой. Право и экономика, политика и религия, идеология и наука – каждое само по себе, а не через посредство иного имеет источником духовное начало⁵⁴. Тем самым положение о том, что содержание любого человеческого интереса в конечном счете определяет материальный, экономический мотив, является *методологической и научной ошибкой*. Следовательно, и право с этих позиций не порождается экономическими потребностями и не существует для интересов класса. Наоборот, нравственное начало должно стать приоритетом. В противном случае погибнут целые нации и народы в угоду “избранному народу”.

Таким образом, экономика как система хозяйственных отношений – вторична и зависит, с одной стороны, от права, а с другой – от субъективной воли, произвола, который в идеале должен быть сдержан правом.

Для эффективного взаимодействия экономики и права необходимо соблюдать принцип, согласно которому законодательство не диктует фактических действий участникам той или иной коллизии, но лишь фиксирует подкрепленные законом права участников, оставляя им возможность искать договоренности на основе признания этих прав, принципов справедливости и ответственности за конечный результат участников правоотношений. Все это, вместе взятое, обеспечивает экономический рост и социальную справедливость, т.е. максимизирует благосостояние общества⁵⁵.

Сегодня экономисты делают попытку отойти от привычных соображений по поводу справедливости, обсуждая вместо этого проблемы целесообразности/эффективности. Однако эти категории взаимосвязаны, поэтому тезис, что экономический анализ обнаруживает убедительные аргументы для обоснования правовых норм, исходя из соображений эффективности и вроде бы в противовес справедливости, является *ложным*⁵⁶.

Взаимодействие различных правовых систем, национальных культур и основанных на этих принципах различных экономических моделей не должно превращаться в столкновение, в конфликт вслед за экспортом “универсальных” бизнес-моделей. Право – это прежде всего встроенная в мировоззрение и культуру народа категория национального порядка, в соответствии с которым происходит развитие экономики. Право обладает собственной ценностью. Априорное и прямое желание подчинить право экономике должно быть отброшено как несостоятельное.

⁵⁴ Петров А.В. Экономика и право (К проблеме соотношения) // Вестник Нижегородск. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. “Право”. Вып. 1. 1998 // <http://www.unn.ru/rus/books/stat3.htm> (Дата обращения: 12.03.2014 г.).

⁵⁵ См.: Познер Р. Экономический анализ права. СПб., 2004. С. 33.

⁵⁶ См.: Алпатов А.А. Право и экономика: вопросы соотношения // Право. 2010. № 4. С. 3–22.